

В такую погоду нельзя было задерживать похороны, и на седьмой день после смерти Хоу Юйкуя состоялись пышные проводы. Лицедей из Бэйпина и Тяньцзиня, как знаменитые, так и неизвестные, все вышли проводить гроб в последний путь. Вместе с приехавшими издалека звёздами сцены и сотнями любителей оперы они едва не заблокировали улицу Цяньмэнь. Все актёры, пришедшие на похороны, считали Хоу Юйкуя своим учителем, но в доме Хоу не было достаточно траурных одежд, поэтому им раздали белые полосы ткани, чтобы повязать их на поясе. Один пожилой актёр, чьё происхождение было неизвестно, полностью облачился в костюм вдовы, нанёс густой театральный грим и шёл за гробом, плача так искренне, словно он действительно был оставленной вдовой. Похороны были настолько пышными, что даже правительство обратило на них внимание, установив павильон для поминовения на пути процессии и отправив высокопоставленного чиновника, отвечающего за культуру, чтобы выразить соболезнования. Члены комитета по организации похорон, начиная от бывших чиновников и заканчивая знаменитыми актёрами и богатыми купцами, сделали всё, чтобы Хоу Юйкуй был удостоен высших почестей.

Солнце в конце весны светило ярко, и несколько паланкинов были заняты женщинами, актрисами и старшими представителями театрального мира, в то время как остальные актёры шли пешком несколько миль до кладбища за городом. Шан Сижуй, измученный жарой, а также стрессом и усталостью последних дней, почувствовал, как из носа хлынула горячая струя крови. Он втянул её обратно, но она попала в горло, вызвав сильный кашель. Он прикрыл рот рукавом, лицо его побагровело.

Ню Байвэнь вдруг вскрикнул:

— Господин Шан! Боже мой! Зачем вы так мучаете себя?

Все присутствующие, рыдающие от горя, повернулись и увидели, как Шан Сижуй выплюнул несколько капель крови на белый траурный халат, пропитав один рукав. Они с удивлением поняли, что этот молчаливый актёр был куда ближе к Хоу Юйкую, чем они думали. Хотя в дни поминок он почти не плакал, оказалось, что он сдерживал свои чувства до дня похорон. Его искренность и преданность заставили даже родных дочерей и внуков Хоу Юйкуя почувствовать себя недостойными, а его ученики, раздражённые тем, что Шан Сижуй затмил их, бросились на могилу, громко рыдая.

Семья Хоу и Ню Байвэнь, тронутые его преданностью, не могли больше позволить Шан Сижую утомлять себя и предложили ему сесть в паланкин. Шан Сижуй, всё ещё кашляя, попытался объяснить, что это было просто носовое кровотечение, но в глазах старшей дочери Хоу он выглядел как слабый, упрямый и глубоко преданный юноша, который вызывал жалость. Она, вытирая слёзы платком, положила его ему на рот:

— Господин Шан, не говорите ничего. Наша семья Хоу всегда будет помнить вашу доброту.

Ню Байвэнь, с тревогой на лице, добавил:

— Господин Шан, отдохните, пожалуйста! Мы не можем потерять ещё одного из театрального мира! — Не дожидаясь ответа Шан Сижуйя, он позвал двух молодых актёров из Терема Водных Облаков:

— Быстрее помогите вашему главе труппы сесть в паланкин!

Так Шан Сижуй спокойно устроился в паланкине, чтобы вздремнуть по дороге обратно. После обеда началось представление, и семья Хоу не решилась беспокоить Шан Сижуйя, так что он с удовольствием сел рядом со старшей дочерью Хоу, наслаждаясь спектаклями и угощениями. Ню Байвэнь, занятый делами, едва успевал, но Шан Сижуй, улучив момент, схватил его:

— Господин Ню, я хочу сыграть с учеником Хоу Юйкуя в «Склоне Уцзя».

Это была первая пьеса, которую они играли вместе с Хоу Юйкуем в резиденции князя Ань.

Ню Байвэнь, тронутый, ответил:

— Если вы чувствуете себя хорошо, то почему бы и нет? Но только одну сцену!

Ученик Хоу Юйкуя, загримированный, был немного похож на своего учителя. Шан Сижуй, в роли Ван Баоцюань, вышел на сцену, и их взгляды встретились. Один думал: «Вот тот, о ком мой учитель так восхищался», а другой: «Вот тот, кто унаследовал мастерство Хоу Юйкуя». Оба, хотя и думали о разном, чувствовали одно и то же — грусть, и слёзы навернулись на их глаза. Они сыграли сцену, и Шан Сижуй, вернувшись в комнату, не стал снимать грим, а просто сел за стол, погружившись в раздумья.

Внук Хоу Юйкуя вбежал с миской в руках и поставил её перед ним:

— Господин Шан, старшая дочь сказала, что ваш спектакль был великолепен, и вы устали. Вот это для вас, чтобы восстановить силы.

Ребёнок, видя, что Шан Сижуй не реагирует, улыбнулся и хотел уйти, но Шан Сижуй вдруг схватил его, осмотрев с головы до ног. Ребёнок, испуганный, вырывался и кричал.

Шан Сижуй, с напряжённым выражением лица, взял его за щёки:

— Ну-ка, прокричи что-нибудь.

Ребёнок, испугавшись чего-то безумного и навязчивого в его глазах, оттолкнул его и побежал, крича:

— Мама! Мама! Здесь сумасшедший!

Услышав голос ребёнка, взгляд Шан Сижуйя потух, и он снова задумался, опираясь на стол. Еда в миске остыла, а спектакль снаружи подходил к концу. На стене висели меч и борода, принадлежавшие Хоу Юйкую. Хоу Юйкуй умер, его ученик не мог сравниться с ним, а его внук не был создан для театра — внук Хоу Юйкуя не получил благословения Патриарха-основателя! Шан Сижуй почувствовал глубокую, беспомощную печаль от смерти Хоу Юйкуя. А когда он подумал о Дядюшке Ли, боль в его сердце стала невыносимой.

Чэн Фэнтай ворвался в комнату, опустился на колени перед Шан Сижуйем и, положив руку на его затылок, с тревогой посмотрел на него:

— Говорят, вы кашляли кровью? Как вы могли ещё и петь?

Шан Сижуй уткнулся ему в грудь и заплакал.

После похорон Хоу Юйкуя Шан Сижуй приказал закрыть Терем Водных Облаков на три дня в знак траура, чтобы отдохнуть от пережитого. В доме Шанов постоянно играли старые записи Хоу Юйкуя, а Шан Сижуй, одетый в белый костюм, танцевал с мечом во дворе под музыку. В это время года в переулках опадали последние пушинки с ив, а цветы акации распускались, осыпая людей мелкими белыми лепестками. Чэн Фэнтай часто говорил, что в Бэйпине половина года — это снег, а весной снегом становятся цветы акации и ивы.

Ветер поднял лепестки, и они, словно снег, осыпали весь двор. Шан Сижуй, молодая и стройная фигура, двигалась грациозно, как белая лента, танцующая на ветру.

Чэн Фэнтай, войдя, увидел эту картину и замер, прислонившись к дверному косяку и наблюдая за ним. Театральные движения с мечом были скорее красивыми, чем боевыми, но Шан Сижуй выглядел так изящно, что казалось, будто он парит в воздухе. Два мальчика из соседнего дома, с соплями на лицах, заглядывали через забор, восторгаясь, как будто видели героя из комиксов. Шан Сижуй знал, что они смотрят, и, закончив танец, выбил камень из-под дерева мечом. Чэн Фэнтай, опасаясь, что камень попадёт в глаза мальчиков, хотел остановить его, но было уже поздно. К счастью, Шан Сижуй просто хотел их напугать, и камень, хотя и летел быстро, лишь ударился о черепицу, заставив мальчиков с криками спрыгнуть с забора.

Шан Сижуй, довольный своей выходкой, крикнул через забор:

— Это уже который раз? Если ещё раз увижу, расскажу вашей маме! Она вас отлупит!

Затем он вложил меч в ножны, снял потную одежду и вытер лицо, бросив её на стул. Подняв чайник, он сделал глоток прямо из носика и поманил Чэн Фэнтая:

— Эй, господин Чэн, иди сюда!

Прекрасный танец с мечом, словно акварельный рисунок, исчез, и Шан Сижуй снова стал обычным актёром, полным жизненных забот.

Чэн Фэнтай набросил на него одежду:

— Что за манера! Стоять во дворе без рубашки! Разве Сяо Лай не стыдно за тебя?

— Сяо Лай сегодня нет дома. — Шан Сижуй обиженно ответил. — Я умираю от голода.

Чэн Фэнтай поднял ему подбородок:

— Тогда как раз! Надень что-нибудь приличное и поедем со мной в Особняк Фань. Сегодня день

рождения Фань Ляня, отвлечёмся.

Шан Сижуй, обычно избегавший лишних встреч, наотрез отказался:

— Не поеду! Фань Лянь меня не звал!

<http://bllate.org/book/15435/1368663>